

TOKKATA

Томск
2011

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6

Т 51

Т 51 **Токката** / Под ред. А.В. Петрова. — Томск, 2011. — 84 с.

Adagio. Vivo. Andante. Presto... Не страшно, если Вы не умеете читать ноты, ведь музыку можно записывать по-разному. Например, стихами. В этой книге для вас исполнят свои произведения молодые авторы. Лирическая соната, величественный вальс, ария, этюд, сюита, увертюра! Необыкновенное собрание композиций самых разных оттенков настроений и тонов подарит вам незабываемые мгновения. Пусть же сольются воедино размеры и такты, интонации и темпы, аккорды и строфы... Искусство. Вслушайтесь в музыку рифм, и вы обязательно найдете мелодию, звучащую в унисон вашему сердцу.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6

© Оформление переплета.

В. Шилина, 2011

От редактора

Поэт есть мир,
одним объятый человеком

Виктор Гюго

Не берусь утверждать, но верю, что каждый ребенок рождается для того, чтобы понять, как устроен мир. Мы узнаем, что солнце всходит и заходит, мы чувствуем, как радость сменяется грустью, мы видим, как меняются наши лица, мы слышим, как поют наши сердца. Однако с возрастом время бежит все быстрее и быстрее. И вот мы уже думаем о росте цен и заработной плате, о том, что жизнь вращается по кругу: каждый новый день рождает одни и те же заботы. Одним словом, поэтическая вера сменяется прозаической уверенностью в том, что жизнь проста и понятна. Поэтому всегда приятно осознавать, что есть люди, которым удается сохранить чувство поэзии таким, каким его увидел великий французский романтик Виктор Гюго.

«Токката» — это книга, в которой соединилось много миров. Что же такое токката? Это сочинение для клавишных инструментов, написанное в свободной импровизационной манере. Одно из значений слова «токката» — «прикосновение». Поэзия,

будь то лирическая соната или величественный вальс, соприкасается с нашей душой.

Но ведь стихотворения, подобно живым мелодиям, соприкасаются и друг с другом! Нужно только уловить, какой мотив звучит в каждом из них.

Когда мы прослушали каждое стихотворение, то поняли, что получилось четыре созвучия: *adagio* с его медленным и спокойным настроением, живое и неунывающее *vivo*, размеренное и неспешное *andante* и бурное, взволнованное *presto*. Так что, уважаемый читатель, не стоит удивляться, если стихотворения разных авторов будут встречаться тебе в разных местах сборника. Это и есть *токката* — встреча с тем, что каждый раз и иное, и прежнее. С поэтическим миром.

 Adagio

Мимо

Зарисую в клетку тетрадную,
Как не видела желтых птиц,
Тротуаров, гуашью измазанных,
Пропустила случайно мимо,
Как лимонно-красно, красиво
В гуле фраз прекрасно-несказанных
Мои листья падают вниз,
Ярко-теплые, серо-прохладные.
Стук ритмичный вечерней музыки,
И по лужам, по лунным лужицам
Убегаю к тебе от истерики,
Пропуская случайно мимо
Лунно-желтые, темно-красивые
Тучи, тучи. И дождь понедельника...
По лицу пробегают кружева
Черных веток, прозрачных отзвуков.
Тебе нравятся тени туманные,
Небо, синее, черное, яркое.
Я лечу с наступлением вечера,
Пропуская нарочно мимо
Лунный свет, серо-желтый, красивый,
Как и осень — никем не замечена.
Фонари — лун подобия жалкие,
Фонари — просто луны стеклянные...

Екатерина Алексеева

Пустое

Окунуться в ледяную крещенскую воду
На январском морозе,
Под прозрачной звездой,
Чтоб понять спустя сутки, если не сходу,
Не в стихах и не в прозе,
Что случилось со мной.
Раз за разом сжимать посиневшие пальцы
На январском морозе
Под улыбкой окна
Твоего. И желать, чтобы снились мне вальсы...
Четко азбукой Морзе
Бьет в ушах тишина.
Отчего-то во мне развели непогоду
Эти серые птицы, —
Воробьи, не иначе.
Мне б нырнуть в ледяную крещенскую воду
Прямо с крыши в столице
Моей. На удачу.

Екатерина Алексеева

Успокоение

Я пью валерьянку два раза в сутки,
Она растворяется дымно в стакане,
Водоворот ее желтовато-жуткий
Подавляет во мне
Предрассудки,
А стакан не дрожит в руке.
Я пью валерьянку уже две недели,
В моей голове расцветают тюльпаны...
Вы больше во мне не разбудите зверя —
Я пленник нирваны
Какое-то время...
Я акварелью маскирую изъяны.
У вас тоже нервы? Зеленой попейте!
Приятно пить гадость, себя пересилив.
Возьмите бутыл, тридцать капель налейте,
Эмоций взрыв
Одним пальцем убейте,
Большими глотками жидкость допив...

Екатерина Алексеева

Молитва

Во имя того, что вечно
Поют слепые жрецы.
Поют они бесконечно,
Внимают их пенью Творцы.

И ветер их пению вторит,
Сдувая с земли все грехи —
Они словно в море тонут,
Избавив Вас от трухи.

А музыка ветра свята —
Она исцеляет сердца.
Чудовищно малая плата
За этот подарок Творца.

Сокрывшись чужими снами,
С карты исчезли они,
Легендой забытой стали,
В Храме храня огни.

Но песня несется в ветре,
Сквозь море и сон простых,
Поют жрецы ее где-то,
В лучах одинокой Звезды.

Арина Хасанова

Странно

О пять на те же грабли наступаю,
Осознанно на проигрыш иду...
Скажи, какого черта?! Я не знаю...
Себя к обрыву пропасти веду.

У этого обрыва гость я частый,
Я вниз бросаю любопытный взгляд,
Меня манит оттуда глас неясный,
А иногда молит уйти назад...

Зачем незнание так ужасно?
Быть может это все обман...
Но вновь и вновь стоит напрасно
У края одинокий стан.

Ксения Христенко

Ультрамариновый вечер

Ультрамариновый вечер
Съел незадачливый свет.
Вот мои хрупкие плечи,
Жаль, твоих рук на них нет.

Ультрамариновый вечер
Смотрит за мной из окна.
Не зажигаю я свечи,
Смысл? Сегодня одна.

Ультрамариновый вечер
Должен быть богом моим.
Но без тебя он калечит,
Хоть и недуг излечим...

Ультрамариновый вечер
Вкус забывает огня.
Если уж он так беспечен,
Пусть поглотит и меня.

Ксения Христенко

Уже ты знаешь, давно не больно
и просто тупо зудит в груди,
и стынет завтрак, и мерзкий кофе,
а за окном, как всегда, дожди.
и солнце вновь не идет на небо,
оно замерзло и умерло.
а я гадаю, опять не верно,
опять соврали и не прошло.
и время видимо «недодоктор»,
а впрочем, мне ли его винить.
таблетки в урну, часы на полку
и вроде, в принципе, можно жить.
но только рваные поцелуи
краду у зеркала, а у кого?
и снова, к вечеру, мне любую
подушку бы... и в нее, в нее...

Ольга Колесова

Как много потеряно. годы пропиты.
холодные стены квартиры пустой,
по стенам обоями виснут газеты,
я просто так дико хотел быть с тобой.
свернувшись болезненно у батареи,
рукой зажимал матерящийся рот,
и вой достигал своего апогея,
и требовал водки проклятый живот.
я бился в истерике, требовал света,
цеплялся руками за воздух и боль,
в пространство орал, умолял об ответе,
и вслух клял судьбу за бездарную роль.
и каждое утро я ползал до крана,
и ржавые капли губами ловил,
и знал, что все к вечеру будет как надо,
но только до вечера я не дожил.

Ольга Колесова

Минздрав

*М*инздрав не говорил, что будет так
хреново,
Рассвет не подсказал, что время полшестого...
В один из понедельников, с утра
Наверное, пришла пора
Сказать тебе: «Прости!»
Звонит такси...

Первые трамваи идут пустые, как и я,
С конечной до конечной, у всех круги своя...
Все, что болело вечером вчера,
Затянется, как черная дыра,
Как по лужам с утра
Корка льда...

Ирина Кузьмина

Я счастлива любить твои глаза,
Прохладу фраз бессмысленно-опасных,
И прятать рвущиеся в клочья чудеса
В осенних листьях, мертвых и прекрасных.

Я буду вечно в полутишине
Искать дождем осколки твоей тени,
Чтоб пальцы греть в растопленном огне
И молча обнимать твои колени.

Выходит небо из тоскливых берегов,
Усеянных потухшими кострами,
А мне сидеть и ждать твоих шагов
В забавных кедах с разными шнурками.

Вера Шилина

Осеннее

*В*се покрыла серая тюль,
И холодный мерцает фонарь.
Слышишь шорох дождливых пуль?
Ощущаешь тоску и печаль?
— Это запах пожухлой листвы.
— Это вкус уходящего лета.
Я вернусь, возвращайся и ты
В мягком сумраке сизого света.
Мне с тобой хорошо и легко,
Без тебя мир такой, какой есть.
Мы с тобой убежим далеко,
Слишком тускло, безжизненно здесь.
Мы уйдем, мы оставим теперь
Побледневший, заброшенный мир,
Мы уйдем через тайную дверь.
Воздух чист, но безрадостно сыр.
Мы уйдем в тишине, не дыша,
Нас укроет прощальным дождем...
Только грустно трепещет душа,
Цвет вернется. Мы подождем.

Вера Шилина

Странник

Спустился ангел. На веревке.
В окно. Уже давно все спали...
Он тихо подошел к постели,
и сны не ведают печали.

Незванный странник спрятал горечь.
В карман. В кармане места много...
Достал мелок, и в небе полночь
нарисовал. Обратная дорога.

К утру усталый поднебесный
на крыше дома плакал горько.
Курил, и, распивая песни,
встречал рассвет лимонной долькой.

Герман Шутов

Мне поздно знать

Бездушные улыбки с потолка
нависли... мерзко-дерзкие детишки...
я верил в то, что небо без тебя
не стоит и мыслишки.

лукавство брошенных дворовых псов
сквозит во взглядах, жадно ищущих
пожрать...
мне верится, но хочется рыдать...
я жив... пускай...
но нездоров.

молчи! мне хочется смотреть в глаза.
мне проще видеть только тишину...
пусть мне приснится то, что я усну,
вернувшись за...

кричи... мы будем вместе пить весну,
разбавив горечью затертое «любить»...
мне поздно знать, что можно без тебя
прожить.

Герман Шутов

Неумело накинуть плед
на красивое нежное тело...
мы вчера еще были под ним...
а теперь — он один до предела!..

Герман Шутов

Газетный кораблик

Небесный платок,
продырявленный веткой
засохшей березы,
у грязной реки.
ударюсь о дно
и закрою монеткой
туманные шляузы
за гранью строки.

постиранный бархат
вечернего неба
взволнует слегка
очумевшую даль...
пойду по следам
пресловутого «недо»...
...недохватившего, недообретшего
звучности «жаль».

газетный кораблик
уже не вернется
к забытой земле,
где не верят слезам.
его не пугают
ни обморок солнца,
ни страх умереть
за любовь к небесам.

нелепый рассвет...
...так бессовестно, жадно
вдыхать запах жженной
бумажной тоски —
целительный ладан, —
гадальные карты
и роспись из линий
ладони руки.

из точки в кривую,
в наклонную, мнимую,
мимо постылых
постоялых дворов...
...расправлены крылья,
и ветром усилены
попытки вернуться
в проекцию снов.

газетный кораблик
на паперти вод, и
волны накатом
на праведный рейс.
его не потопит
ни ром, ни погода...
...а где-то в горах
расцветет эдельвейс.

Герман Шутов, С.В. Косищева

1

Вот мой дом, наполненный
безысходностью и отчаянием
поколений, предшествующих мне и моей собаке.
соседи, одичавшие и пробавающиеся
нищетой, как речью, помнящей о софистике,
но забывшей об окончании,
и небритые мысли моих товарищей
составляют нашу округлую вотчину,
потерявшую четкие очертания.

2

волосы, рвущие за собой, ловят ветер,
и мечтают жить, но оставшиеся
в твоих зрачках метры,
пустопорожние, как неожиданный взрыв,
возвращают мысли на место,
положенное ему.
Творцом? Природой? Самим тобой?
из трех Норн — самой слепой.

3

как глупо и неизбежно
все романы с сюжетом,
придуманном в спешке

глухим домовым за печкой
со сверчком на пару, кончаются,
обрывая вынужденную речь,
и от человека не остается даже ее части.
может, лишь девять знаков да имя, Настя
или Ирина, а смутное влияние зодиака
совершенно ничего не характеризует,
как и привычка к нищете или счастью.

4

так что не надо об этом и думать.
остается пустым этот дом —
мы уйдем, и никто не заселится.
потому что от боли здесь станет
сам воздух черным, как дым
из трубы крематория. веселиться
все больше хочется, когда думаю,
сколько осталось и сколько тенет
проходить, как сквозь зеркала лунные,
хлипкие, острые, будто бутылочные горлышки
в наш сибирский мороз под ногой
босого ангелочка с такими холодными —
холодными глазами безбожника

Александр Цайзер

Неслучившейся великой любви
посвящаю дрожащие пальцы.
как форель, на живого лови,
выгибай, заставляя сдаться!

Александр Цайзер

Я выйду на кухню скрипеть старым стулом
и не читать Иосифа или Катулла,
только смотреть в окно,
в глаза себе сквозь березу напротив.
какой-то невротик
с потухшим лицом,
он глаз из окна не отводит.
он ходит по моей квартире кругом,
ретушированные глаза делают его в моих
глазах подлецом,
не считая того, что это — сам я.
душа, душа, подлец! не уходи далеко.
почему бы тебе не надеть драповое пальто?
ты был так цинично-романтичен, как никто
как я давным-давно.
как бы ты сам себя, дорогой, описал?
(это обращение к автору автора или черт
его знает)
молодой, и не очень, любитель ненужного
чая,
по большому-то счету почти маргинал —
души ведь нет. я же ее прогнал!
и вот тут, рядышком, угрожая током
воспоминаний, несбывшихся образов будущего

 Vivo

Утро в родном краю

Я радуюсь земным дарам:
Мой край — души моей отрада!
Гляжу я в небо по утрам,
И веет ветерок прохладой.
Играя краской перламутра,
Роса на зелени блестит,
И птицы песней славят утро,
И речка ласково шумит...
И травы, отойдя от сна,
Стремятся насладиться светом,
И дышит свежестью сосна
На воздухе, едва согретом.
А где-то вдалеке глубокий
Церковный раздается звон...
И вся природа — перед Богом —
Свершает утренний поклон!

Екатерина Зезуль

Мед

*М*ак давно ничего не ждет,
видит в зеркале четкие скулы,
у виска — пистолета дуло,
а в карманах поштучный лед.
никому всю себя не дает,
оставляет чуть-чуть на завтра,
и такая ненужная правда
душу клеит как будто мед.
что захочет сама берет,
в дней пластинах над ней нависших
ищет ту, что прочней и чище,
но не выдержит, разобьет.

Ольга Колесова

Расскажи мне о птицах

*Р*асскажи мне о птицах!
таких свободных-свободных,
таких бесполезно красивых,
безрассудно смелых и сильных,
разрезающих небо надвое,
без желания быть замеченными,
без любого рода пафоса,
без шанса на возвращение,
живущих и любящих в воздухе
единожды и навеки,
чтобы, разлюбив, разбиться,
о грани и края обессилевших скал,
чтобы быть принятыми водой,
отчаянно скорбящим морем,
запеленавшим сотни им подобных
без права быть запомненными...
расскажи мне о птицах...

Ольга Колесова

Давай учиться мудро жить,
давай начнем сейчас!
я даже знаю пару фраз
и пару мутных тем.
я знаю, много-много раз...
я думаю, что чистый лист —
река мифологем,
а чье-то нежное «хочу» —
лишь повод для систем.
большой в прожилках лист.
начнем с нуля.
давай считать
все снова до ста раз,
сто раз по игрек эм.

Елизавета Козицына

Жизнь, как старый дилижанс...

*Ж*изнь — как старый дилижанс,
У меня последний шанс —
Либо ехать в дилижансе,
Либо к черту на рога...

Щелкнул бич, зовет дорога,
В дилижансе мест немного,
А у Черта и подавно
Несчастливых до черта!

И на этой колымаге,
Через горы и овраги,
Вдоль кюветов по ухабам.
Далеко ли попадешь?

Сколько Богу не молилась,
Но колеса отвалились.
Горе! Горе бесколесным!
Не за рубль пропадешь!

И шагают мои ноги,
По нехоженной дороге,
Но глаза мои в тревоге:
Где следы любимых ног?!

Ирина Кузьмина

Потомкам

Я лиру посвятил душевным
отклоненьям,
Ее настроив на привычный лад,
Я пел не дум высокое стремление,
А свой шизофренический разлад.
Не обошел вниманьем паранойю,
Ей дань воздав, дыханье затаю.
Меня психоз пока обходит стороною,
Но я когда-нибудь и про него спою!

Ирина Кузьмина

Почти сказка

*В*ечер наступает сам собой,
За окном зима идет в прямом эфире.
В комнатах темно, погашен свет,
Ты сидишь одна и на одном кефире.

Девочка Мальвина, как с обложки,
Девочка с сиреневыми волосами,
Целый день звонят тебе мальчишки,
Телефон забит мужскими номерами.

Барабас зовет поехать в Ниццу,
Смайлики «В.Контакте» все от Буратино,
Арлекину просто порезвиться,
Только принца в этой сказке нет в
помине.

На стене искусственный очаг,
Он не греет, потому что нарисован.
Отчего-то в жизни все не так!
Этот мир, наверно, кем-то заколдован.

Потерялся ключик золотой,
Что подходит к тайной деревянной дверце,
Девочка Мальвина, что с тобой?
Некому сказать, что у тебя на сердце...

Дозвонился гадкий Дуремар,
Он богатый, но ужа-ужасно гадкий!
Для него Мальвина, как товар,
Он меняет поцелуй на шоколадки.

Жизнь, как это странное кино,
Лучше роль Бабы-Яги со ступой,
Снова нытик позвонит Пьеро,
Абонент, наверно, будет недоступен...

Ирина Кузьмина

Let's play

Я буду вампиром из темного леса,
Ты будешь соседской прекрасной принцессой.
Однажды, гуляя под шумной листвою,
Мы вдруг повстречались как будто с тобою.
Ты в белом, я в черном, ты — день, а я — ночь.
Ну разве мы сможем друг другу помочь?
Давайте пройдемся теперь под ветвями,
А листья шуршат за спиною теньями.
Зачем же гуляем по странным и темным
Местам безлюдным и затаенным?
Мой замок найдем абсолютно случайно.
Зайдем? Ведь Вас привлекают тайны.
«Совсем не настолько?» Ну ладно. Ну что же,
Хоть в этом мы с Вами немного похожи...
Спустя полчаса нам наскучит беседа,
А листья сухие осеннего пледа,
Утратив надежду на кровь и веселье,
Замрут, поворчав, в молчаливом безделье.
Прощаясь, слова побросаем на ветер.
Мы, может быть, больше друг друга не встретим.
И разойдемся: я — в замок, Вы — к людям.
Жалеть — не жалеем. Забыть — не забудем.

Вера Шилина

Девушка, холодно вечером, знаете?
Ночь ревнивая Вас изведет.
Вы уже ничего не исправите,
А в двенадцать закроется вход.

Девушка, слезьте с качели, пожалуйста,
Ночью не дело — летать.
Девушка! Сделает выговор староста,
Будете поздно гулять.

Девушка, все же, давайте заканчивать?
Смысл валяться в листве?
Некуда Вам теперь заворачивать,
Там не горит больше свет.

Ладно, я сберегу свои нервушки.
Вижу, останетесь тут?
Ну хорошо, до свидания, девушка.
Пусть Вас хотя бы найдут.

Вера Шилина

Лужа (с кедом)

Я заблудился в пониманье
длины слепого коридора.
отдал себя на растерзанье,
разбился вдрызг о твердь забора.

теперь я маленькая лужа
у непрохожих под ногами...
меня топтали сапогами
сердца, которым я не нужен.

меня сушило злое солнце.
я дал попить хромой собаке.
дождем наполненное лонце...
забытый Богом на асфальте.

Герман Шутов

Проснулся под утро,
с фингалом под глазом... —
ныряя в асфальт,
трудно быть водолазом.

затянута небо
асфальтовой коркой.
как выть без луны?
что толку быть волком?

Герман Шутов

О прутьях

*Р*аспластавшись на лестничной клетке,
из башки — помелом — прутья,
а в окне — лишь рябины ветки
по холсту неба. суть.

странный мальчик с опешившим взглядом
любит горький лимон по утрам,
и апрель, обозначено рядом,
возведенный до уровня сна.

самой искренней псевдоулыбкой
лизжет истина в черновиках.
(разбитый аквариум с бьющейся рыбкой)
ты-поч-ти-до-ся-га-е-ма. страх.

Герман Шутов

Надевал кольцо из салфетки на палец
принцессе румяной.
говорил ей: давай же поженимся! все у
нас в социальной ячейке будет здорово,
я возьму от жизни сколько нужно денег,
я красив, а мои стихи абсолютно
хардкорны.
но она выбрала конченного технаря,
говорить-то не умеющего и без фантазии.
а такие, по моему глубочайшему
убеждению, не подлежат эвтаназии,
о нет! им нужно работать на благо
общества, совершать ежедневные
пробежки
от двери квартиры до двери машины, и
далее до офисной двери, конечно, в
спешке,
взмыленным и затюканным грузом забот
если у них болит живот,
это самое страшное, а самое радостное —
если жена приносит приплод
и продолжает этой рабсилы род. нет, их
ребенок — не бесполезный пень.
я бы не смог творить, если бы кто-то

туалетную бумагу не производил каждый
день.

она ушла, и я остался свободным. а
принцессы — удел дураков.
ищу теперь домохозяйку, не
произносящую лишних слов.
будет мне делать плов и омлет, мести
мусор, не подглядывать, когда я хожу в
туалет,
перед сном мне желать спокойной ночи
и любить меня. и это не бред.
тогда я смогу говорить собственные свои
слова лишние.
и в жизни появится смысл. Отлично.

Александр Цайзер

Страшно быть одному.
страшно, когда не могу
никому ничего рассказать.
веселее желание опохмелиться
и ноги переставлять,
взламывая ощущение фатальности.
веселее запросы на дружбу кидать
тем, с кем более не увидишься.
во сне приснится реальность и ваши
лица,
видимые мной когда прихожу и
досматриваю сны.
и не могу убедиться, что я не сплю. что
живу.
выкидываю себя из реальности.

Александр Цайзер

Перевод книги Б.Л. Губмана «Западная философия культуры XX века»

*У*з экзистенциализма нам известно:
гуманистическая культура обречена.
сплошная трагикомедия, если честно,
и все мы получим сполна.

все мыслители, несмотря на свою
несхожесть,
пытаются выдумать, взирая в XX-ый век,
зачем самое возможность
отчуждения изобрел человек.
считается, что мы можем
самоовеществиться,
не умея выбрать свободы из зол бытия,
и ее же выдержать. чаще вглядываюсь в лица,
ищу у кого-то в глазах свое «я».
каждый культурный феномен (в том
числе, чья-то рвота)
вызывает у индивида лишь отчуждение.
например, соцстрой,
светлое будущее, рождение,
воскрешенье, суббота,
алкоголь, предметы, мои увлечения
мешают мне быть собой.

гуманистически инспирированная
культура уже деградировала,
согласно глубокому взгляду из недр
экзистенциальности,
именно она привела к появлению
атомной гибели
и нарушению великих вселенских
тональностей.
она принесла тоталитаризм вместо
тотальности,
которая и так уже расщеплена на
субъект и объект,
подвергая деформированию мои знания
о реальности,
заставляя меня читать о метафизике за
закрытыми створками век.
гуманизм привёл нас так же к научно-
техническому прогрессу,
в скобочках — отчуждению, довлеющему
над странами третьего мира
и некоторыми людьми, из-за
милитаризации подверженных стрессам.
подобными аргументами
экзистенциализм проворачивает в вашем
сердце рапиру
и избавляет от лишнего веса.

Александр Цайзер

 Andante

Мое — твоё прекрасное безумие,
Пытаться уловить
Слова
В безмолвии.
Сжимать колени... золотую нить
Вокруг обвить.
Сама. Могу сама.
Когда по крышам румбу простучит —
Кап-кап. Танцуй,
Тебя зовут
Они!
Холодными губами греть другие,
Такие тонкие... родные.
И поцелуем капельки сотрут.
И пыль вдыхать с промоченных дорог
Так сладко...
Слышишь?
Звуки городов.
И наизусть учить прогноз осадков,
Асфальт глядит загадочно и гладко.
Небесная слеза не терпит Фальши.

Екатерина Алексеева

Верх моего эгоцентризма

Белые птицы погодой не тронуты...
...фортепианная музыка льется...
...пальцы дыханием осени греть...
Над депрессивными птица смеется,
Золото будет под солнцем гореть
И разлетаться в разные стороны!
Белая птица. В бокале презрение,
Медленно. Так отвлекает внимание.
Чешутся крылья, взять бы и выплеснуть
Псевдопоэту в лицо с расстояния?..
С гадкой улыбкой дать отхлебнуть?..
Ах, меня выдаст мое откровение...
Мнения серых... — сквозь перья
проскальзывать.
Крылья, прошу вас, руками не трогайте...
В узел свяжите свою «гениальность»,
В супе сварите, и скушать попробуйте.
Быть белой птицей всего лишь
формальность.
Крылья иметь — вот что стоит
отпраздновать!

Екатерина Алексеева

Неожиданно-желанно

Неожиданно-желанно
Солнце льется прямо в руки.
Быть друг другу талисманом...
Два часа бродить по кругу,
Чтобы подниматься к свету
Высоко. Шальные птицы
Принимают эстафету
В небе над моей столицей.
Ты не бойся, это просто
Ветер шутит, он мальчишка.
Рассказать смогу лишь в прозе,
Что отдать хочу полнеба
За одну его улыбку,
За прекраснейшее лето.
В никуда писать открытки,
Перевязанные лентой.
Закричать в такой огромный
Город! В объектив увидеть,
Что сегодня взгляд зеленый,
Как и мой. В огромном мире
Третьего не будет больше!
Разлетелся год на части,
Лишь во мне продлятся дольше
Лето, музыка и счастье.

Екатерина Алексеева

Тебе

Как можно не смотреть в твои
глаза?..

Они мои, нефритовые тоже, —
Смотри в меня! Я солнце, ты гроза.
Но ты и я как близнецы похожи...
Я — верю... Ты — не веришь в чудеса,
Зато, смотри — оттенки белой кожи
Один в один совпали на руках...
Я слышу музыку в твоих шагах...
Ты знаешь, как случается такое?
Когда рука моей касается легонько...
Внутри вдруг эйфорийно-неземное
Порхает существо... И слышно только
Дыхание твое. Волнения не скроешь,
Рисуя пальцами узор на коже тонкой.
Три слова — вот опора бытия.
Всего три слова. Я люблю тебя.

Екатерина Алексеева

Мой родной

*К*ончиками тонких пальчиков
Дотрагиваясь до любимых очертаний,
Касаясь бликовых зайчиков
Слезой не оживших воспоминаний,
Улыбаюсь собственным мыслям,
Идущим из центра души,
Смахиваю движением быстрым
Теплую каплю соленой воды.
Трепет и грусть спорят вечно со мной.
А причина здесь ты, только ты, мой
родной.

Анастасия Доренская

**«Черемухи душистой
запах нежный...»**

Черемухи душистой запах нежный
Затронул мою душу, вдохновил,
Он сердце мое робкое пленил,
Я окунулась в этот замок белоснежный.
И наслаждалась я спокойствием
приятным,
И звуками играющей листвы,
И птичьей ласкою молвы,
Вдруг осенило вихрем грез
невероятным...
Я не дремала, но была точно во сне,
Купалась в красках белых и зеленых...
И вот я вновь на улицах просторных,
Но впечатление осталось во мне.

Екатерина Зезуль

Имя

*М*не безумно нравится
писать на салфетках
твое имя,
вычерчивать каждый символ,
смотреть как они
постепенно становятся
тобой.
загадывать, что ты делаешь
в эту самую минуту
за километры от
меня.
задерживать дыхание,
мысленно называя тебя
по имени,
наклоняться к салфетке,
прочитывать буквы
и выдыхать.

Ольга Колесова

«Сохрани мою тень...»

Бесценность моя!

в безликости комнатных стен
я тобою сполна надышалась,
и меня больше нет. о себе я взамен
оставляю самую малость:
знаки — фенечки — бусинки —
выдумщиц вздор!
чепуху оставляю, кривлянье! —
ненавязчиво-тонкий небрежный узор
неразгаданно-мертвою тайной.
хочешь, можешь на шее рядами носить,
хочешь, спрячь это все по шкатулкам.
я лишь снова привыкну горбатым ходить
по щербатым ночным переулкам.
будет сыпаться тот же с запястий мой вздор —
разроняю по городу знаки.
сонных улиц небрежный знакомый узор
отвоюет меня и растратит.

Елизавета Козицина

Аэропорт

*М*утные стекла порта,
Косые нити дождя,
В газетах опять не напишут,
Куда убежать от себя?!

В пустом кафетерии, молча,
Опережая рассвет,
Решаю пустые вопросы
За чашкою сигарет...

Жалеешь ли ты сегодня,
На взлетное поле смотря,
Когда поднимаются в небо
Все «Боинги», но без тебя?

Жалеешь ли ты о прошлом?
О том, чего больше нет?
О том, что в кассе остался
Один на двоих билет...

Ирина Кузьмина

Для тебя

Буду такой, как ты захочешь:
Я буду нежной и покорной,
Веселой буду — захочешь,
Могу быть дерзкой, даже вздорной.
Захочешь, стану я пантерой
И спину сильно изогну.
А если хочешь, стану верой,
Чтоб верил ты в меня одну.
Могу стать для тебя богиней
Или холодной, словно лед,
Тогда тебя покроет иней.
Могу быть сладкой, будто мед.
Если захочешь, стану солнцем
И буду для тебя сиять,
Или могу в твоё оконце
Дождем ненастным постучать.
Могу стать для тебя загадкой,
Чтоб ты пытался разгадать.
Я тихо улыбнусь украдкой
И помолчу, чтоб не мешать.
Могу стать терпкой, ароматной,
Как полусладкое вино.
Могу я стать как мрамор гладкой
Или как лед, здесь все равно.
Могу стать для тебя надеждой,
Чтоб ты надеялся и ждал.

Могу быть робкой, тихой, нежной,
Чтобы меня ты защищал.
Могу стать для тебя луною
И в одиночестве сиять,
Чтоб любовался ты лишь мною
И с неба захотел достать.
Могу уйти, могу вернуться,
Могу в любви признаться вдруг,
И, улыбаясь, оглянуться,
Даря улыбки всем вокруг.
Могу стать всем я, ты же знаешь.
Я тихо прошепчу, любя:
«Хочу стать той, о ком мечтаешь,
Хочу мечтой стать для тебя».

Татьяна Пак

Не судьба

*Л*унная ночь,
Ты сидишь у окна,
На тебя молчаливо
Смотрит луна...
Так хотелось любви,
Так хотелось тепла,
Может быть, не судьба,
Не сказал,
Не смогла,
Не смогла пересилить
Эту гордость, боль...
Трудно в чужом театре,
Играть чужую роль...

Анастасия Плотникова

Вместе в траве

Завтра тебе умирать, а возможно, и
мне умирать.

Но мы вместе забылись в траве, значит,
на все наплевать.

Но мы вместе закрыли глаза, но мы
вместе, и солнце печет,

Значит, чувствовать только одно, значит,
Смерть теперь тоже не в счет.

Тет-а-тет. Говоришь мне «Убей». Но ведь
Я не хочу убивать.

— Почему же тогда не бежишь? — Я
боюсь, не захочешь догнать...

Где-то ждут и тебя, и меня; крики, топот
угасли в пыли.

Где-то ждут и меня, и тебя, но мы так
далеки от земли...

Стебель к стеблю, к ладони ладонь,
вместе, за руки — и не разжать.

Кто из нас позабудет свой долг? И чей
брат будет мать утешать?

Не об этом. Ведь солнце печет, ведь мы
вместе закрыли глаза,

Ведь под нами синеет трава, а над нами
цветут небеса...

Вера Шилина

Не настоящее лето

*Н*а ветках зеленые листья,
Как будто бы малый ребенок
С гуашью и беличьей кистью
Забрался на подоконник.

Свободы не чувствуют крылья,
Мечтам не поют сонеты,
Хоть окна мы настежь открыли.
Не настоящее лето.

А краски за 30 копеек —
Ни качества, ни терпенья.
И, бросив работу, оставим
Все худшее на понедельник.

Вера Шилина

Городу N. не хватает тебя,
Как и любому, в общем-то, городу.
Спрячет зима свою белую бороду,
Нервно в кармане билет беребя.

Кроме того, так скучает весна
Города N., несмышленная, глупая,
И, по-смешному простужено хлюпая,
Счастье рисует и просит она.

Помнят твой голос стены и лестницы,
Улицы, площади помнят шаги,
И отражается в блестках реки
Блеск твоих глаз сквозь недели и месяцы.

Как-то неправильно двери скрипят,
Ветры не те, да и солнце неважное,
Словом, понятно, каждому:
Городу N. не хватает тебя.

Вера Шилина

Получится?

Я, вчера, шел по улице,
встретил
девочку.
Запнулся,
улыбнувшись,
расстелился
на скатерти нежности...
подскочил, поморгал,
извинился...
ноги запутались....
не хотел, наверное, уходить...
сказал «здравствуй!»
Побежал
по бульвару
босиком,
а сердечко-то
в чувство укуталось...

Герман Шутов

Про кошку

*П*олосатой тенью, с умными глазами,
Ты же знаешь, Кошка, что случилось с
нами.

Слезы, как дождевики, намочили душу.
Кошка понимает и умеет слушать.
Расскажу я Кошке про вчерашний вечер,
Кошка помурлычет и на сердце легче.
Тронет мягкой лапкой, спрятав
коготочки,

И не так печально будет этой ночью.
Кошка понимает, мы родные души.
Кошка понимает и умеет слушать.

Софья Типсина

Письмо

Ты прочитал мое письмо
и сразу позвонил.
Не помню что, не помню как,
зачем, но говорил.
Сказал, приду, не спи, ты жди,
я постучусь, открой.
Хоть дни, последние деньки
я проведу с тобой.
Ведь я уеду, скоро в путь
дорога позовет.
Ты не волнуйся, я вернусь,
все быстро, все пройдет.
Ведь я люблю тебя, пойми,
хочу я быть с тобой...
В ответ скажу лишь — приходи,
я жду, любимый мой.
Стук в дверь, и сердце застучит
со стуком в унисон.
И ты пришел, и эта ночь
прошла как будто сон.
Мы дни последние живем,
от встречи к встрече вновь,
И, расставаясь, будем жить,
храня свою любовь.

Софья Тупсина

Льются холодные струи,
С мрачных холодных небес.
Хмурятся сонные люди,
Сон их куда-то исчез.
Ангелы плачут на небе,
Слезы на землю дождем.
Дождику рады лишь дети,
Да мы с тобою вдвоем.
Будем идти мы под ливнем
В этот последний раз.
Слезы, с дождем смешавшись,
Тихо бегут из глаз.
Ты не заметишь слезы,
Будешь смотреть на дождь.
И, не сказав ни слова,
Ты от меня уйдешь...
Ангелы плачут на небе,
Слезы на землю дождем.
Жаль, мы уже не дети,
И мы с тобой не вдвоем.

Софья Типсина

*М*не хочется слушать супер-алису.
возвратиться к старым забытым хитам.
набивать татухи вашими лицами
и ежечасно быть в хлам.

под луной мои танцы навеки
лазеров и стробоскопов.
танцы под индифферентные треки.
реки текут и поет Киркоров.

Александр Цайзер

*М*огу предложить тебе свою жизнь.
неужели это и есть любовь,
когда вдруг роман про солипсизм
превращается в молитвослов?
но нет: им нужны от тебя ведь
только определенные функции:
зарабатывать деньги, ласкать, греть,
посылать в магазин за чая унцией,
а весь целиком — да кому ж ты нужен?
со всеми твоими подгонами,
с книгами, что рюкзак твой утюжат,
с эмоций твоих эшелонами?
кому ты нужен, учитывая, что
в твоих зеленых глазах
только ты видишь личность. ты ничто-
жество для остальных же. страх
быть навсегда невостребованным,
выпасть через этот колодезь в Ад.
сизжу на кухне, сдавленный стенами.
завидую тому, кем был год назад.
или буду вечность спустя.
а может, через два дня.

Александр Цайзер

 Presto

Больна и несерьезна

*Н*ыряю, ах, Боже, пустите, ныряю!
И в разные стороны рыжие кудри...
Я злобного зверя в руках покачаю,
Сверкнув фонарями, промчится как буря.
И там, под диваном, как будто спокойна.
Как жарко, прошу, раскрутите мне шарфик!
Впустите, прошу, мне потоки в окошко!
Цветы, фотографии... юный романтик
Смахнет с апельсинов слой пыли ладошкой.
Дрожащие руки застыли безвольно.
Ну, что за подушка, скользкой медузой
Лежит и глядит, замышляет недоброе...
Ваш бред — не искусство, даренное музой.
Прошу, принесите больному съедобное!
Известно, что кушать всегда я готова.
Престранная кошка, горячие скулы,
И простынь взбесилась от запаха мяты.
Не мысли и чувства пространной натуры, —
Болезни и жара вкус горьковатый.
Ах, право, простите... Я нездорова

Екатерина Алексеева

*В*ыпит весь воздух и съедены ногти,
спущены шторы на старом карнизе,
в тысяче первый отказано в визе,
в стомиллионный мы здесь остаемся.

кошек на крышах давно отпустило,
суть же — одно, их любовь — валерьянка.
невыносимо угрюмая бабка
ловко пророчит, но мимо и мимо.

я улыбаюсь железобетонно
на остановке случайным трамваям.
ты же, достигнув заветного рая,
вышлешь мне карту с пометками Бога.

Ольга Колесова

Салютом за окном —

ты.

Ликование мое —

тебе.

Тебе во истину.

Цветы

за окнами выводишь мне.

Я сторбленный, больной старик,

мои листы — чисты

(ушла вода),

исписаны — поля.

Твой крик:

я — душу отдаю,

в ночь уходя.

Благословляю

нас и прочих тех,

кто не со мной,

кто не в пути.

Я свет не выключаю,

свет — тебе:

гори

гори

гори

гори.

Елизавета Козицына

Сладкое с дегтем

Я чувствую близость пугающих прутьев,
Решеток без окон и слез без причины,
Я чувствую запах серебряной ртути,
Заполнившей темень беззвездной пучины.

Я слышу упреки, и собственный голод,
Безумные стены, ползущие в небо,
Не-краски, не-кисти. Мир снова расколот
На верю — не верю, на воду без хлеба.

Мне страшно представить приветствие правых,
Приветствия левых, «привет» без привета,
Но парус натянут, но порох в карманах,
И там же от песни еще полкуплета.

Вера Шилина

Для тех, кто свалился с луны...

*М*ой солнечный заяц
умолк, словно пленник.
Он лезет на крышу,
он курит свой веник...

Он любит погреться
у солнечной печки,
но верит в искусство
сгорать, словно свечка.

Он тихий бунтарь
до бескостности мысли,
до пьяности нот
и абсурдности смыслов...

Он прячется в клетках
тетрадного бреда,
а самообман —
его вечное кредо.

Герман Шутов

Истериические хроники

Отторжение материи — это дичайшее
состояние,
когда мир непритязательно обручами
охватывает сознание,
и твою немую плоть разрывает от
желания
кричать, и ты, перепутав стаканы,
из их граней (то бишь только из формы,
а не содержания)
составляешь фракталы, пьешь водку
вместо ликера
и уходишь в запой, и диахрония души и печени
выхватывает лучом света тебя из
контекста реальности,
а остановиться нельзя, потому что видел
жизнь
во всей ее пресловутой
экзистенциальности,
и она настолько прекрасна, что можно не
выдержать,
объявить пьянству бой и убиваться в более
драматичной и прозаичной манере, и
удивляться,
что еще по ошибке живой.

Александр Цайзер

Д. Бондаренко

Займись, говорят, тем, в чем шарить.
создай что-нибудь и не будь рохлей!
но я же не надувной вам шарик,
чтоб надуваться, пока не сдохну.
набирайся терпения, ищи вдохновения,
постигай откровения, не будь ты унылым!
просмотр, прослушивание, прочтение.
каждую минуту. на этом вдохновение
застыло.
ищешь его в чужих фильмах, книгах, в
людях, драках,
природе, минустридцатиградусной
погоде, своем внешнем виде,
в коридорах мозга, где нет ничего, кроме
мрака,
в глазах человека. на которого ты в обиде.
вдохновения/смысла там нет. Холодеешь
от страха.

Александр Цайзер

Мишина над реальностью.

Здравствуйте.

мне прямо параллельно,
что ветви маленьких дорожек,
отходящих от большой дороги,
сходятся далее
с перпендикулярно высаженной
картошкой,
высушенной кругом солнца
на агрополях огромных.
мне с моей агорафобией вообще лучше
туда не
заглядывать, кажется.
хотите образ пустоты
поля с картошкой эллиптической круги,
над ним привешен больше, на оси,
(вам кажется притянутым за уши?)
зраком жги
солнце, а потом его скоси —
(ах, извините, я опять забыл про «Вы»)
немного вбок (не Солнце, а лишь нерв,
глазное
яблоко (что, тоже круг? ах, шар, увы...)
направо и налево) - глаз уж ноет,
как ты его вертеться не проси.

Солнце должно быть параллельно
другому шару,
отгоняя мух от коров и ив,
тогда вы, возможно, сможете, и, прошу
вас, установите!
истину в нашем мире изломанных
перспектив.

Александр Цайзер

Литературно-художественное издание

ТОККАТА

Главный редактор *А. Петров*

Редактор *К. Михайленко*

Компьютерная верстка *Е. Усольцева*

Корректоры *С. Типсина, И. Панина*

Художник-оформитель *В. Шилина*

ООО «Интегральный переплет»

634040, г. Томск, ул. Высоцкого 28, стр.1. Тел. 64-47-49.

E-mail: exlibres@list.ru

Подписано в печать 11. 04. 2011.

Формат 105х148. Гарнитура «Lazurskic».

Тираж 30 экз.

